

Владимир МАУРИН

ВТОРОЙ ФРОНТ ШУРЫ АНАНЬИНОЙ

Очерк

«То, что только ударным трудом можно помочь фронту быстрее сокрушить врага, понимали все – от мала до велика. На шахтах и заводах развернулось движение «Работать за двоих, троих, ушедших на фронт!».

«Кто норму свою выполняет вдвойне, тот доблестный воин в священной войне» – под таким девизом трудились оставшиеся в тылу. Каждый старался внести свою лепту в общее дело победы».

«Сложное положение на фронте вынуждало страну призывать в армию высококвалифицированных специалистов. Так, к концу 1941 года в тресте «Анжероуголь» кадровые рабочие составляли 86 процентов по сравнению с довоенным временем, к концу 1942-го – 54, в 1944-м – 28, в 1945 году – около 23 процентов. С уходом кадровых рабочих на фронт дела в тылу складывались сложно, особенно на шахтах. Под проблемы военного времени женщины-сибирячки подставили своё плечо, заменив ушедших на фронт мужей, отцов, сыновей, братьев. С первых дней войны они стали осваивать горняцкие профессии – забойщика, навалоотбойщика и другие, считавшиеся «мужскими». В марте сорок второго на шахтах Анжеро-судженска работали уже 1 532 женщины».

Всекузбасская книга памяти, том 5

Одна из них – Александра Григорьевна Ананьина.

Восемнадцатилетняя Шура училась на курсах счетоводов. Деньги за учебу нужны были по тем временам немалые – триста рублей. Где взять? Семья многодетная – семеро, хоть уже и не «по лавкам». Жили бедно. Отец уже старший

да и на шахте порядком изувеченный. Надеяться только на себя. Каждый выбирал и пробыл себе дорогу самостоятельно. Николай учился в Москве. Павел – в Томском университете. Иван служил в морфлоте на Тихом океане...

Шура, чтобы не быть обузой и самой зарабатывать деньги на учёбу, пришла в бытовой комбинат шахты 9/15 чернорабочей. Было это 1 марта 1941 года. Днём она могла учиться, а ночью делала всё на свете: выдавала и принимала спецовку, приводила в порядок мойку...

Окончила курсы и получила желанное удостоверение. А работать счетоводом не пришлось. Мужиков, работавших на поверхности, почти всех забрали на фронт. Четыре брата тоже уже воевали. Даже Павла (в университете он заболел туберкулёзом) мама привезла домой, немножко подлечила и устроила в ОТК на шахту. Потом признали годным и послали учиться на лейтенанта. Там простыл. Вернули домой, где вскоре и умер. Младший братишка тоже получил скоротечную чахотку. Малолеток уже спускали в шахту. Когда порожняка нет, установки стояли, не качали, они и ложились покемарить в укромном местечке. Вот и простыл парень...

И на фронте один брат погиб. Другой, как сообщили, пропал без вести. Семья поредела. Гор приходило во многие дома.

Как-то Шуру вызвали к главному инженеру Константину Пименовичу Воронину.

– Знаю, девушка ты грамотная, старательная, крепкая. Не пойдёшь ли десятником на погрузку? Или на лесной склад? Ума не приложу, кого поставить...

Шура сразу согласия не дала, ответила, что подумает, посоветуется с родителями.

Опытные дядечки подсказали: только не на погрузку! Порожняка, мол, дают мало, угля – горы, а как поставят вагоны – нельзя мешкать ни минуты. Иначе загремишь в место не столь отдалённое – Мариинск...

Так оказалась на лесном складе. Начальник Влас Иванович Шевелев понравился. Но рабочая сила – одни женщины. Работа тяжёлая – разделять долготьё ручными пилами на стойки. А на круглой пиле получать однорезку, или, по-другому, горбыль. И надо так выкроить, чтобы не было отходов, больших обрезков. Если сильно толстый лес, посередке ещё плаху прогнать. Ладно хоть старичок – пилоточ – добросовестно справлялся со своими обязанностями.

Вроде бы хорошо – на свежем воздухе. А зимой морозы-то жуткие! Шура думала, что на всю жизнь останется с чёрными щеками и никто её замуж не возьмёт. Если не морозы, то буран – свету белого не видно. По колёно, по пояс в снегу расчищали узкоколейку. Подгонят электровоз с участка транспорта – надо помогать грузить. Сидеть в избушке некогда. Разве что к телефону когда крикнут. Звонит главный инженер: «Твою мать! Давай скорей стойки на два тридцать!» Или орёт десятник участка транспорта: «Давай затяжку, горбыль!» Мат стоит – уши вянут! Поначалу девятнадцатилетняя Шура скромненькая была, спокойненькая, мордастенная. Потом тоже насобачилась. Иначе не понимает никто. Тем более киргизы, привезённые прямо в халатах. Рабочая сила – одно горе. Уйдут в комбинат, где сушилка, лягут, там тепло! Главный инженер, сочувствуя Шуриным мытарствам, советовал: «А ты их ... затяжкой! Выгоняй на ...». Однажды, разгружая долготё, один зацепился за бревно халатом. Не заметив, так вместе с бревном и скинули с вагона. Все сбежались: неужто убился? У Шуры лошадка была для подвозки материалов. Быстренько в больницу. Живой остался.

Однажды не убереглась сама. Установили новую «майку» – круглую пилу. Включатель – на столбе. Когда пила останавливается, она почему-то под конец ещё больше оборотов делает. Шура в тапочках на опилках возьми и поскользнься. Руками взмахнула – и один палец, мизинец, отрезало напрочь. И безымянный немножко задело. Её сразу же в горбольницу. Вместе с завёрнутым в тряпочку пальцем. Хирург предложил: зашью рану, и, дескать, всё. Пальцы пришивать, мол, не приходилось. А Шура как закричит: «Н-е-е-т! Меня тогда замуж никто не возьмёт!» Ладно, говорит, попробую, что получится. Пришил. Правда, видимо, не совсем удачно. Стоял стоячком и не сгибался. Сильно мешал, например, при стирке. Привыкла, приспособилась. И ещё ноготочек медленно рос.

Трудовой фронт – он и есть трудовой фронт. Как и на боевом, и раненые, и погибшие бывали. Особенно, если не обращать никакого внимания на технику безопасности. Правда, никто никогда и ни о чём не инструктировал.

Почти два года проработала Шура десятником на лесном складе. Бывали у неё и ребята-комсомольцы, вывезенные из шахты по травме на «лёгкий труд», то есть без мытья. Тогда же

бюллетень не давали. На комсомольском собрании эти ребята и предложили: «Слушай, Шур, такая здоровая девка... Давай к нам в комсомольско-молодёжную бригаду!». Илья Прибытько её возглавлял.

«Не отпустят, наверное...» – засомневалась, хотя в душе была не против. Что соблазняло? Хлеба получала бы кило двести, а не восемьсот граммов, как сейчас. И заработать можно было в два с лишним раза больше, чем на поверхности, где один оклад. Да и людей в шахте очень не хватало: на фронт призывали уже даже тех, кто находился на брони.

С Власом Ивановичем завела разговор – и слушать не хочет: ценный кадр, жалко. Пошла к секретарю парткома Иноземцеву. Встретил тот приветливо – вежливый, культурный дядечка.

– Знаете, зачем я к вам пришла? Работаю десятником на лесном складе. Но хочу пойти в шахту. У меня братья на фронте...

Нашла понимание. Перевели в шахту. Да не куда-нибудь на моторы, где «сидели» одни женщины, не на качающие конвейера (скребковых ещё не было), где тоже в общем-то нелегко. Уголь шёл горой, сваливался, надо было вовремя подчищать. Прокараулишь – заштыбует всю установку. А это, считай, авария, простой. Были женщины и на других вспомогательных работах. Не только местные, но и эвакуированные – курские. Одна татарочка, Зиной звали, некоторое время работала даже навалотбойщицей. Чем она хуже?

Вставала раненько, чтобы светильник аккумуляторный достался: их на всех – работали тысячи! – не хватало. С лампой Вольфа, по сути дела керосиновой, которую в шахте, опасной по пыли и газу, и применять-то нельзя, не то что много не наработаешь, а и далеко не уйдёшь.

У них на участке использовался буровзрывной способ. Отстреляется запальщик – и начинается работа до самого жаркого пота, до полного изнеможения в конце смены, которая – не поверите! – двенадцать часов! И так – изо дня в день. Без выходных! Без отпусков! Без праздников! Трудно представить, откуда силы брались у шахтёров. Это уж потом запретили двенадцать часов работать. Но сделали график «внахлёстку». Это когда одна бригада ещё работает, а другая уже приходит, и некоторое время они вместе.

Отец сделал Шуре аккуратненький череночек с удобной наконюшкой на конце. Конечно,

первое время было особенно тяжело. Руки аж горели. И потом ещё остались рубцы на месте мозолей. Потом втянулась. Тонн двадцать надо было перекидать! Делала больше. Когда 20-й участок объединили с 7-м, оказалась в бригаде Григория Фёдоровича Яковлева, которого за роскошные усы звали Чапаем. Когда его награждали, мужики то ли в шутку, то ли всерьёз сказали: «Слышь, Саш, орденок-то надо было тебе...» Начальник участка Александр Иванович Лукошкин награждался орденом Ленина дважды. Начальник есть начальник. Они больше на виду и на слуху. Им и слава. А угля давали море. Ужас сколько. Добыча доходила до десяти тысяч тонн в сутки! Недаром за высокие показатели в октябре 1943 года шахте было вручено Красное знамя ВЦСПС и Наркомата угля с денежной премией. За самоотверженный труд в годы войны она получила на вечное хранение Знамя Государственного Комитета Оборона.

Шура была бесхитростная, сильная. Цепь порвётся – бежит вместе со всеми: пыжится, приподнимая рештак, полный угля. Не будешь же стоять и смотреть, как другие корячатся. Предупреждали: это даром не пройдёт. Попомнишь, мол, без ног останешься. И точно. От тяжёлой физической работы развился страшный варикоз. Даже операцию делали. И потом, может, оттого и детей не рожала. Бог не дал. Тоже, наверное, сказало. Кто знает.

Случались и аварийные ситуации покруче. Когда загорелся трансформатор, им бы бежать спасаться дыму навстречу, на свежую струю прорываться, а они попёрли на основной штрек. Дым-то за ними. Догоняет. Опережает даже. Тянет хорошо – вентиляция нормальная. Слава богу, выскочили. Ну, ладно – Шура молодая, неопытная. Мужики – не чета: видали всякого. Но не клевал ещё, знать, жареный петух как следует, хотя и привыкли уголь давать любой ценой. Обходилось без жертв, во всяком случае – без массовых. Пласты мощные: Петровский, Андреевский, Десятый... Не сгибались шахтёры, всегда работали в полный рост. А Десятый вообще под уголь крепили, полностью не выбирали. Закрепить – тоже немалая сила нужна. Порой стойка – настоящее толстое бревно больше двух метров длины. И горбыль тяжёлый. Шура за один конец берётся, напарник – за другой, и поднимают на вытянутые руки. Третий меж ними посередине стойку прилаживает, а потом уже и на концах. И дальше, дальше, дальше...

И вот на такой работе была с 28 августа 1943 года до января 1946-го. Приходила домой и валилась замертво. Мама подойдёт: «Дочка, сядь, побудь немножко со мной живой...» Сильно жалела её, ведь та только и знала: дом и шахта, дом и шахта... Даже на концерт артистов, среди которых находилась сама Клавдия Шульженко, не удалось сходить. Пела та для раненых в эвакогоспиталях, исполняла весь свой песенный репертуар. Бойцам трудового фронта не до развлечений. Факт остаётся фактом: пока наши союзники медлили с открытием второго фронта в Европе, советские женщины с первых дней войны открыли его у себя дома своим героическим трудом на полях и фермах, на шахтах, заводах и фабриках, работая сёстрами милосердия в эвакогоспиталях... Но и на фронте их было немало. Они верили: наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Только вот не совсем согласна Александра Григорьевна с тем, что, пишется во вступительной статье пятого тома «Всекузбасской книги памяти»: «...на шахте 9/15 успешно трудились женские комсомольско-молодёжные бригады». Да, создавали такую бригаду, но она сразу же распалась. Кто крепить будет? Одним женщинам, будь они трижды мужичками, невозможно. Опять пошли мотористками. Или вот пишется об Аизе Азаровой. Чем прославилась? За что вошла в историю? У неё же семеро детей было! Из декретов не выходила! Потом начальником бытового комбината работала. А это – большая разница! И вот кому-то понадобилось вывести её на авансцену!

– Кто ещё, кроме меня, во время войны навальщицей угля работал, не знаю, – рассказывала Александра Григорьевна. – Была Жиганова Аграфена Гавриловна, хорошая женщина такая. Постарше меня. Член партии. На собраниях всегда слово брала, недостатки критиковала. Но она всю жизнь проработала мотористкой, грузчицей.

Ещё из воспоминаний. Встреча бригад по выезде из шахты – прямо в грязном – с духовым оркестром. Наиболее отличившихся, конечно. Бывало и приз учреждали – жареного поросёнка. Но Александра Григорьевна в таких застольях не участвовала.

Или вот о том, как приходилось мыться. Мыла-то не было. Давали какую-то глину в жидком виде. Разве ею отмоешься? А в мойке с четьрьмя краниками вода течёт нередко только из

одного. Мужики перебежали из своей мойки. Встанут и стоят. Не выскажешь!

Особый разговор насчёт обуви. Чуни. Рваные, запальным проводом перевязанные. Без портянок. По основному штреку канавы, как правило, редко чистились. Вот и начерпаешь воды. Так смену и работали. Привыкали. Как будто так и надо.

А воровали как! Всё на свете. Один раз Шура вышла из мойки, а одежды нет. Украсили всё. Упростила знакомую сбежать домой. Мама собрала, что нужно, принесла. Спецовку как выдали – так на все четыре года. Латана-перелатана...

Так что не стоит особенно из шахтёров делать героев. Они тоже люди, со своими недостатками.

Как-то опять палец раздробило упавшим куском породы. Орала от боли, пока хирург складывал косточки. Уродцем стал палец. И ещё на руке кусок угля надолго оставил чёрную метку.

– Вот так и работали, – итожила воспоминания Александра Григорьевна. – Война есть война. Работать надо кому-то было.

А потом и за столом довелось посидеть, 21 год нормировщиком. Хотя какой там стол!

Начальник шахты Иван Андреевич Сухачёв до чего же был жестокий! Плана нет – аккумуляторы не принимать, пусть едут в шахту! Какое-то время в ламповой сидели на полу. Чего в шахте делать писарям, как он их называл? А какие они писари, когда полмесяца в шахте пропадали? Даже свой участок имели. Уголь гребут, крепят, все на свете! И это после войны! Угля-то по-прежнему надо было много. Шахта и тогда давала пять тысяч тонн в сутки. А то и больше. Всё время – повышенная добыча, повышенная... А то и в колхоз отправят на уборочную. Вроде бы городские, а знали, как хлеб достаётся.

Ну и в конце концов заработала Александра Григорьевна, кроме болезней и увечий, медаль «За трудовое отличие». Получив её в Доме техники вместе с заместителем главного инженера Красицким, по пути домой обмыли награды в ближней забегаловке. Положено!

Всё это осталось в сердце, в самом укромном его уголке. Можно ли забыть героев трудового фронта нашим и последующим поколениям?

Кемерово

